

РАСПЯТЫЙ НАРОДЪ.

«Настанетъ день, о, народы Европы, когда каждая изъ мыслей вашихъ откроется, какъ открывается глазъ, и когда всѣ ваши мысли, какъ открытые глаза, прикуются къ кровавому образу Народа Распятаго». Это говоритъ Мицкевичъ о Польшѣ въ своей книгѣ «Славяне»—курсъ лекцій, читанныхъ въ парижскомъ университетѣ, въ 1842—1844 годахъ. Книга эта вышла недавно новымъ изданіемъ (Adam Mickiewicz, «Les Slaves», Paris 1914).

Книга странная, менѣе всего похожая на «курсъ лекцій». Тутъ, какъ вѣрно замѣчаетъ авторъ предисловія, Мицкевичъ уже не поэтъ, не мыслитель, не ученый, а «пророкъ Божій, Исайя или лезекииль новыхъ временъ».

Онъ не столько читаетъ лекціи, сколько молится, плачетъ, благовѣствуетъ, проповѣдуетъ, священнодѣйствуетъ. Когда всходитъ на кафедру, самъ не знаетъ, что скажетъ: далъ обѣтъ Богу не обдумывать заранѣе. Плохо говорить по-французски, но французамъ-слушателямъ кажется, что онъ говоритъ на ихъ языкѣ, какъ на своемъ. Обладаетъ тѣмъ «даромъ языковъ», которымъ обладали апостолы.

«Хотя бы мнѣ пришлось оскорбить привычки моей аудиторіи, хотя бы мнѣ пришлось кончить криками,—я не побоюсь кричать. Не отъ меня будутъ эти крики,—я рѣшилъ собою жертвовать,—а изъ сердца великаго народа. Изъ глубины всѣхъ его преданій, пройдя сквозь душу мою, упадутъ они среди васъ, какъ стрѣлы, дымящіяся потомъ и кровью».—«И развѣ бы я могъ говорить съ вами такъ, если бы не чувствовалъ за собою силу, не отъ людей идущую?...»—«Я провозглашаю себя предъ лицомъ неба жи-

вымъ свидѣтелемъ новаго откровенія и беру на себя смѣлость требовать, чтобы тѣ изъ поляковъ и французовъ, которые находятся здѣсь и знаютъ объ этомъ откровеніи, отвѣтили мнѣ: существуетъ ли оно? да или нѣтъ?» Въ неописанномъ волненіи слушатели встаютъ и, подымая руки, отвѣчаютъ: «Да!»

Герценъ издѣвался надъ Мицкевичемъ: «мистическимъ бредомъ, болѣзнью, сумасшествіемъ» казались ему эти лекціи. Герценъ не понялъ Мицкевича такъ же, какъ впослѣдствіи русскіе люди не поняли Гоголя, Л. Толстого и Достоевскаго.

Не поняли свои—чужіе поняли. «Со времени пророковъ Сіонскихъ не раздавалось такого голоса», — говоритъ Жоржъ-Зандъ. «На нашихъ глазахъ произошло небывалое... съ той поры освятилась кафедра парижскаго университета», — говоритъ Мишлэ объ этихъ лекціяхъ.

Семьдесятъ лѣтъ книга пролежала подъ спудомъ, забытая, закрытая, запечатанная семью печатями. И вотъ только теперь, когда на нашихъ глазахъ исполняются пророчества, когда шопоть ихъ повторяется голосами громовъ,—мы начинаемъ понимать, что это не «бредъ сумасшедшаго». О, если бы мы раньше поняли!

«Я испытываю леденящій ужасъ за Европу»... Угроза новаго нашествія варваровъ—Атиллы, Чингисхана, Тамерлана—тяготѣетъ надъ нею. Туча, чреватая бурями, ожидаетъ только манія Божьяго, чтобы разразиться надъ преступными народами».

И вотъ только теперь, когда туча разразилась,—семь печатей сорвано, книга передъ нами раскрыта, мы ее читаемъ,—и каждая строка огнемъ и кровью наливается. И, какъ всегда бываетъ при исполненіи пророчества, пророкъ болѣе правъ, чѣмъ думалъ самъ...

Главная мысль книги заключается въ томъ, что предстоитъ великая борьба двухъ челоѣчествъ, двухъ Европъ,

двухъ культуръ. Прометей, похититель небеснаго огня,—прообразъ культуры подлинной, живого знанія, откровенія—*интуиціи*; Прометей—создатель человѣка. Эпиметей, подражатель брата своего,—прообразъ культуры мнимой, мертваго знанія, бездушнѣйшей механики—отвлеченнаго *раціонализма*; Эпиметей—«создатель обезьяны».

Интуиція—даръ славянскаго и французскаго, какъ говорить Мицкевичъ, или, какъ мы теперь сказали бы, англо-романскаго племени. «Интуиція—познаніе, исходящее не отъ мысли, не отъ внѣшнихъ предметовъ, а изъ внутреннихъ глубинъ духа» *Intuitio—intus itio*—вхожденіе во внутрь себя, внутренній опытъ, внутреннее зрѣніе, «ясновидѣніе». «Интуитивный методъ познанія—религіозное возвышеніе духа».—«Это не новость для васъ»,—обращается Мицкевичъ къ своимъ французскимъ слушателямъ,—это самая глубокая сущность вашего генія, интуитивнаго по-преимуществу. Интуиція—легкость схватыванія того, что приноситъ каждый мигъ, и того, что можно извлечь изъ каждого мига, составляетъ творческую непосредственность (*spontanéité*) французскаго генія».—«Въ этой-то области интуиціи, вдохновенія (*enthousiasme*) Славянство будетъ понято грядущею Франціею».

Интуитивный геній Франціи создалъ революцію и Наполеонову имперію—начало современной культуры. Раціональный геній Германіи создалъ реакцію и Прусскую монархію, начало современнаго культурнаго варварства.

Предстоитъ великая война Прометея съ Эпиметеемъ, человѣка съ обезьяною, истинной культуры съ культурнымъ варварствомъ, Славянскаго и Англо-Романскаго племени съ Германскимъ.

Германскій раціонализмъ, искажающій самое лицо Европы, изсушающій самые родники культурнаго творчества, есть крайній выводъ изъ протестантизма, а протестантизмъ въ свою очередь—крайній выводъ изъ того *религіознаго индивидуализма*, который коренится въ метафизикѣ всего историческаго христіанства. Религіозный индивидуализмъ утвер-

ждаетъ религію, какъ «частное дѣло» (Privatsache) и отрицаетъ ее, какъ дѣло общее, «соборное», «церковное». Но все историческое христіанство отъ религіознаго индивидуализма беззащитно. *«Евангеліе, воспринятое только личностью, не вошло въ общественную жизнь народовъ».* Метафизическое существо церкви—существо, отрѣшенное отъ міра, аскетическое, монашеское, созерцательное. «Церкви дѣятельной вовсе не было».

Каково нынѣшнее состояніе церкви? Чѣмъ она вліяетъ на людскія дѣла, на общественность, на политику, на великія движенія народовъ? «Народы страдали, народы шли крестнымъ путемъ, народы приобщились къ тайнамъ и надеждамъ, которыхъ церковь не можетъ раздѣлить, не можетъ понять». Церковь остановилась, а человѣчество продолжало итти впередъ. «Болѣе, чѣмъ когда-либо» нуждалось оно въ помощи свыше; но напрасно искало ея въ церкви: она не могла ее дать, потому, что сама лишилась ея, перестала сообщаться съ небомъ».

Никогда еще народы не были такъ одиноки, покинуты, духовно разрознены, какъ въ наши дни. Донынѣ союзы народовъ и государствъ основывались только на внѣшнихъ, матеріальныхъ выгодахъ. Но всегда ли будетъ такъ? Въ личной жизни соединяетъ людей внутренняя правда духовная. И если человѣчество не отречется отъ христіанства окончательно, не исторгнетъ его изъ души своей, то и народы будутъ призваны къ соединенію, основанному на той же правдѣ внутренней. А такъ какъ церковь остается бездѣйственной или даже противится этому призванію, то сами народы исполнять его. Христіанство, образовавъ частичные союзы, отдѣльные государства, должно сдѣлать новое усиліе, чтобы соединить ихъ въ высшій союзъ всечеловѣчскій.

Но для этого усилія должно совершиться въ самомъ христіанствѣ «новое откровеніе» (nouvelle révélation) «новый взрывъ Слова» (nouvelle explosion du Verbe),— «третій взрывъ», тотъ самый, который предсказанъ въ

Апокалипсисѣ. Было два откровенія—Отца и Сына,—будетъ третье откровеніе Духа.

«Безчисленные легіоны воиновъ Христовыхъ идутъ въ Римъ и пройдутъ черезъ Римъ, и оружіемъ своимъ поддержать падающій куполъ Св. Петра... Это оружіе—духъ народовъ... Великіе народы и великіе люди Европы никогда не переставали служить грядущей Церкви Вселенской».

Всѣ, кто отвергнуть старую церковью, кто страдаетъ и ожидаетъ, суть воины Христовы, которыхъ Онъ призываетъ, чтобы установить царство Свое на землѣ. Политическіе мученики, солдаты, умирающіе на поляхъ сраженій,—ближе ко Христу, чѣмъ всѣ богословы и сановники церкви.

Въ народѣ таится сѣмя Церкви Будущей; но всякой преждевременной, только человѣческой попыткѣ сдвинуть его народъ неодолимо противится. «Міръ ожидаетъ въ безмолвіи знаменія свыше; это такое же безмолвіе, какъ то, которое было на Голгоѣ, въ часъ распятія».

Славянское племя—«Каріатида» всемірной исторіи, несущая всѣ ея тяжести. «Умирающій Гладіаторъ», вѣчная жертва—изъ всѣхъ «распятыхъ народовъ» распятый по преимуществу. «Неизмѣримъ на картѣ,—ничтоженъ въ судьбахъ міра». Но особый знакъ на немъ—знакъ *ожиданія*. И если всѣ другіе народы предчувствуютъ всемірный переворотъ, то у Славянъ предчувствіе это сильнѣе, чѣмъ у кого-либо.

Западная Европа вообще и Франція въ особенности приняла или хотѣла принять *христіанство, какъ дѣйствіе*, и, принявъ его, тотчасъ же приложила къ вопросамъ общественнымъ. Вотъ почему духъ Франціи—духъ революціонный по-преимуществу. Славяне, принявъ *христіанство, какъ созерцаніе*, умѣли только страдать и терпѣть.

За эту религіозную бездѣйственность казнили ихъ сначала татары, потомъ русская историческая государственность, которая говорила народу: «Будь распятъ, терпи и

смиряться, какъ терпѣлъ и смирался Христосъ,—и спасешь душу свою».

Но кто страдалъ отъ христіанства созерцательнаго больше всѣхъ, тотъ раньше всѣхъ пойметъ, что оно неполно. «Славяне должны *восполнить христіанство*; они призваны къ откровеніямъ послѣдующимъ (*révélations successives*)». И если вообще христіанству суждено зажечь «пламя дѣйственное» (*flamme active*), то Славяне должны распространить это пламя въ человѣчествѣ, сдѣлаться орудіемъ для «христіанства развивающагося» (*christianisme développé*).

Славяне—«словене»—народъ Слова, ставшаго Плотью. Съ нихъ-то и начнется «третій взрывъ» Слова,—Апокалипсисъ—откровеніе Духа.

Почему же Польскій народъ ближе всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ къ истинѣ? Потому что есть одинъ только путь къ истинѣ—путь крестный, а что Польскій народъ шелъ самымъ крестнымъ изъ крестныхъ путей,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Послѣ паденія Польши, духъ ея сосредоточился въ самомъ себѣ съ такою силою, что не было ей равной со временъ политическаго паденія Израиля. Восходя отъ скорби къ скорби, Польскій народъ соединился съ Богомъ своимъ, который былъ на землѣ «человѣкомъ скорбей». Почти ничего на землѣ не имѣющій, расчлененный, стертый съ карты Европы, изгнанный, блуждающій, онъ сдѣлался «народомъ Божимъ», «новымъ Израилемъ».

Польша—искупительная жертва за все человѣчество, «распятый народъ».

Что-же такое въ послѣднемъ счетѣ эти два племени—Славянское и Латинское—самое религіозно-страдательное и самое религіозно-дѣятельное? «Два полюса единой силы, двѣ руки единого генія». Двѣ руки титана Прометея, которыя соединяются, чтобы обнять и одолѣть въ послѣдней

борьбѣ Эпиметея, двойника и «обезьяну» человѣчества. Это и значить: племена Славянское и Англо-Романское соединяются для борьбы съ Германскимъ племенемъ.

«Генію Франціи, генію всѣхъ, кто не усомнился и не отчаялся въ будущемъ, мы общаемъ, что въ Славянахъ найдутъ они поддержку, помощь и орудіе. Пусть же смотрятъ они на Славянъ, какъ на воинство того Слова, которымъ создается новый порядокъ вещей». — «Мы, Славяне, ничего не сдѣлаемъ безъ Франціи (безъ Европейскаго Запада). Но и Франція (Западъ) ничего не сдѣлаетъ безъ Христа. *Нашъ союзъ можетъ быть основанъ только на Христѣ*».

Такъ при свѣтѣ этой пророческой книги, какъ при внезапномъ блескѣ молніи, открывается религіозный смыслъ великой войны. Эта война есть казнь за два отступленія отъ Христа—за религіозный *индивидуализмъ*, съ его предѣломъ—«человѣкобожествомъ», и за религіозный *націонализмъ*, съ его предѣломъ—«народобожествомъ».

Какъ силенъ соблазнъ этихъ двухъ отступленій, видно на догматическихъ ошибкахъ самого Мицкевича. То единый народъ (Польшу), то единую личность (Наполеона, Товянскаго) дѣлаетъ онъ или едва не дѣлаетъ новымъ воплощеніемъ, богоявленіемъ Духа. Но если первое богоявленіе—Отчее—совершалось въ единомъ народѣ (Израилѣ), второе — Сыновнее — въ единой личности (Христѣ), то третье богоявленіе—Духа—совершится уже не въ народѣ и не въ личности, а въ человѣчествѣ.

Муки великой войны—муки великихъ родовъ: нынѣ человѣчество рождается. И если родится живой младенецъ, а не мертвый выкидышъ, то человѣчество будетъ Богочеловѣчествомъ.

Книга Мицкевича обращена не только къ Европѣ, но и къ Россіи. Онъ сознаетъ «ожесточенную борьбу двухъ непримиримыхъ идей—русской и польской». Между 1830 и 1848 годомъ эта непримиримость была слишкомъ ясна. И все-таки: «Мы, поляки, не питаемъ ненависти къ Россіи». Дорого стоили Мицкевичу эти слова

«Оба народа дѣйствовали въ противоположныхъ направленіяхъ; но есть высшая точка, въ которой они могутъ соединиться». Эта высшая точка Славянство, какъ явленіе религіозно-всемірное.

Какъ бы ни страдалъ русскій народъ,—польскій все-таки страдаетъ больше, и если страданіе источникъ познанія, то и больше знаетъ; намъ есть чему у него поучиться.

Истинный пророкъ Славянства, какъ явленія религіозно-всемірнаго,—не Л. Толстой и Достоевскій, а Мицкевичъ.

У Л. Толстого—вмѣсто религіознаго утвержденія и преодоленія, голое отрицаніе народности; «международность», «космополитизмъ»—вмѣсто всемирности.

У Достоевскаго—всемирность двусмысленная: быть русскимъ значитъ быть «всечеловѣкомъ»; но и обратно: быть «всечеловѣкомъ», значитъ быть русскимъ. И если «не будучи православнымъ, нельзя быть русскимъ», то нельзя быть и «всечеловѣкомъ», потому что православіе, по Достоевскому,—уже христіанство вселенское, а слѣдовательно, всѣ церкви и всѣ народы, только отрeksiсь отъ самихъ себя, могутъ приобщиться къ православной русской «вселенскости». Но вѣдь, пожалуй, и германцы отъ такого «всечеловѣчества» не отказались-бы. «Панславизмъ» Достоевскаго такъ, же какъ всѣхъ русскихъ славянофиловъ,—«пангерманизмъ», перелицованный, переведенный на русскій языкъ.

Мицкевичъ понялъ то, чего не понималъ Л. Толстой,—что всемирность не «космополитизмъ», не голое отрицаніе, а высшее религіозное утвержденіе и преодоленіе народности. Понялъ и то, чего не понималъ Достоевскій,—что историческое христіанство еще не вселенское, что необходимо новый «третій взрывъ Слова», «откровеніе Духа» для Церкви Грядущей, основы «всечеловѣчества».

Поразительно сходство главной религіозной мысли Мицкевича съ такъ называемымъ русскимъ «богоискательствомъ». Тутъ, однако, нѣтъ заимствованій: русскіе «богоискатели» такъ-же мало знали о Мицкевичѣ, какъ онъ—

о нихъ. Тутъ встрѣча неожиданная: съ разныхъ концовъ міра, по тѣмъ же звѣздамъ, пришли они въ ту же страну.

«Настанетъ день, о, народы Европы, когда каждая изъ мыслей вашихъ откроется, какъ открывается глазъ, и когда всѣ ваши мысли прикуются навѣки къ кровавому образу Народа Распятаго».

Много сейчасъ распятыхъ народовъ. Но только тогда, когда всѣ они соединятся въ одно распятое челоуѣчество,— оно воскреснетъ такъ же, какъ Распятый Человѣкъ воскресъ.

ПОЭТЪ ВѢЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ

ПОЭТЪ ВѢЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ

JOSEPH BARNON KECHTBEHUCHTN

Тургеневъ забытъ, ненуженъ, ничтоженъ по сравненію съ Л. Толстымъ и Достоевскимъ. Такова еще робкая, не сказанная, но уже у многихъ шевелящаяся мысль.

Такъ ли это? Не вспомнимъ ли мы о Тургеневѣ? Не вернемся ли къ нему?

Можетъ быть, не простая случайность, что именно въ наши дни, столь не тургеневскіе, вышла замѣчательная книга о Тургеневѣ («Сборникъ», изд. «Тургеневскимъ Кружкомъ» слушательницъ Пет-скихъ Высшихъ Женскихъ курсовъ, подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова.—«Новыя страницы, неизданная переписка, воспоминанія, библіографія»).

«Мы лѣнны и нелюбопытны». За треть столѣтія какими только пустяками не занимались, а мимо такого явленія русскаго духа, какъ Тургеневъ, прошли безъ вниманія: ни одного научнаго изслѣдованія, критическаго изданія, исчерпывающей біографіи, ни даже полнаго собранія писемъ. Мы проглядѣли Тургенева. Скоро умрутъ всѣ, кто видѣлъ живое лицо его, и мы почти ничего не узнали отъ нихъ. А что мы знаемъ о писателѣ? Кое-что сказано о Л. Толстомъ и Достоевскомъ, а о Тургеневѣ, кромѣ общихъ мѣстъ, ничего. Да, мы лѣнны и нелюбопытны.

Но вотъ, наконецъ, этотъ «Сборникъ».

Можетъ быть, не простая случайность и то, что именно женскія руки впервые съ любовью коснулись пѣвца женщинъ по преимуществу.

Но тутъ произошло что-то странное, почти жуткое: любящія женскія руки, совлекая нечаянно саванъ, чистый покровъ забвенія, открыли наготу покойника.

— Что они со мною дѣлаютъ!—ужаснулся бы живой Тургеневъ, если бы увидѣлъ себя въ такомъ обнаженіи.

Но если бы увидѣлъ и то, какъ мы смотримъ на него, обнаженнаго, то, можетъ быть, понялъ бы, что ужасаться нечему, что не мертвый саванъ славы или забвенія (они такъ схожи), а живая любовь наша къ нему покрываетъ его наготу.

Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Тургеневъ въ этой книгѣ даже не черненькій, а сѣренькій, какъ та уродливая куколка, пустая кожица, изъ которой вылетѣла бабочка. Тамъ, въ его созданіяхъ, или гдѣ-то надъ ними быются бѣлыя крылья безсмертной Психеи, а здѣсь только ея оболочка смертная.

И неужели этотъ сѣренькій, маленькій—онъ? Да онъ. Чему мы удивляемся? Или не знаемъ, что такова судьба поэта, что «межъ дѣтей ничтожныхъ міра, быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ»?

«Онъ малъ, какъ мы; онъ мерзокъ, какъ мы». Нѣтъ, будемъ помнить, что «онъ малъ и мерзокъ не такъ, какъ, мы,—иначе»; глядя на куколку, будемъ помнить о бабочкѣ.

Кое-что мы и раньше слышали о человѣческой малости Тургенева.

«Тургеневъ занималъ меня разговоромъ о своей поѣздкѣ за-границу и однажды разсказалъ о пожарѣ на пароходѣ, на которомъ онъ ѣхалъ изъ Штетина, причемъ, не потерявъ присутствія духа, успокаивалъ плачущихъ женщинъ и ободрялъ ихъ мужей, обезумѣвшихъ отъ паники... Я уже слышала объ этой катастрофѣ отъ одного знакомаго, который тоже былъ пассажиромъ на этомъ пароходѣ; между прочимъ, знакомый разсказалъ мнѣ, какъ одинъ молоденькій пассажиръ былъ наказанъ капитаномъ парохода за то, что онъ, когда спустили лодку, чтобы первыхъ свезти съ горѣвшаго парохода женщинъ и дѣтей, толкалъ ихъ, желая сѣсть раньше всѣхъ въ лодку, причемъ жалобно восклицалъ:

— «Mourir si jeune!»

Этотъ пассажиръ оказался Тургеневымъ («Воспоминанія» А. Я. Головачевой-Панаевой, 1824—1870).

Мы слышали объ этомъ и не повѣрили. Но вотъ, послѣ письма Варвары Петровны Тургеневой, матери Ивана Сергѣевича, напечатаннаго въ «Сборникѣ»,—уже нельзя не вѣрить.

...«Почему могли замѣтить *на пароходѣ* однѣ твои lamentации?.. Слухи всюду доходятъ!—и мнѣ уже многіе говорили къ большому моему неудовольствію... Ce gros monsieur Tourguéneff qui se lamentait tant, qui disait mourir si jeune... Какая-то Толстая... Голицына... И еще, и еще... Тамъ дамы были, матери семействъ.—Почему же о тебѣ рассказываютъ? Что ты gros monsieur—не твоя вина. Но ты трусилъ, когда другіе въ тогдашнемъ страхѣ могли замѣтить... Это оставило на тебѣ пятно, ежели не безчестное, то ридикюльное».

Кто знаетъ себя въ смертномъ страхѣ? Кто посмѣетъ судить другого въ этомъ страхѣ? Не то скверно, что Тургеневъ испугался до потери сознанія, а то, что онъ потомъ лгалъ такъ безсовѣстно.

— «Когда вы, Тургеневъ, перестанете быть Хлестаковымъ? Это возмутительно... Стыдно и больно мнѣ за васъ! упрекалъ его Бѣлинскій». (Головачева-Панаева).

Не лучше исторія съ «Ѳетисткою», дворовою дѣвушкою, горничной одной изъ дальнихъ родственницъ Тургенева. Влюбившись въ эту дѣвушку до того, что, какъ потомъ самъ признавался, «готовъ былъ броситься къ ея ногамъ и покрыть ея башмаки поцѣлуями», онъ выторговалъ ее у хозяйки за 700 рублей (цѣна неимовѣрная,—дѣвки продавались тогда рублей по 25, 30 и не шли далѣе 50), сдѣлалъ ее своею возлюбленною, а когда она ему наскучила, выдалъ ее за маленькаго петербургскаго чиновника. Но черезъ двѣнадцать лѣтъ Ѳетистка тайкомъ отъ мужа пробралась въ Спасское, чтобъ только «посмотрѣть на своего барина». Онъ поигралъ съ нею, а она отдала ему свою душу. Тогда же, послѣ свиданія съ нею, Тургеневъ писалъ своему другу, И. И. Маслову:

...«Отъѣзжавъ отъ меня въ 53 г., она была беременна, и у ней въ Москвѣ родился сынъ Иванъ, котораго она отдала въ воспитательный домъ. Я имѣю достаточныя причины предполагать, что этотъ сынъ не отъ меня; однако, съ увѣренностью ручаться за это не могу. Онъ, пожалуй, можетъ быть мое произведеніе.—Иванъ попалъ въ деревню къ мужику, которому былъ отданъ на прокормленіе... Голова у этой Θεоктисты слабая... Если этотъ Иванъ живъ и отыщется, то я-бъ готовъ былъ помѣстить его въ ремесленную школу—и платить за него... Мужъ ни о чемъ не знаетъ—вѣрнѣе, онъ очень смирный и порядочный чело-вѣкъ».

Тутъ опять не то самое скверное, что «печальникъ народной доли» и пѣвецъ женской прелести поступаетъ съ женщиной, какъ съ рабою, и съ живымъ чело-вѣкомъ, какъ съ вещью, а то, что совѣсть его при этомъ такъ спокойна. «Я готовъ платить». Чего же болѣе? Все просто, все ясно. Холодная ясность ума, холодная сухость сердца.

«Ты эгоистъ изо всѣхъ эгоистовъ. Пророчу тебѣ—ты не будешь любимъ женою.—Ты не умѣешь любить, т. е. ты будешь любить не жену, не женщину, а свое удовольствіе».

Это пророчество матери только отчасти исполнилось: онъ, дѣйствительно, не былъ любимъ, но любилъ—и не «свое удовольствіе». Очаровательная женщина «съ красивымъ длиннымъ желтымъ лицомъ, съ крупною нижнею челюстью, какъ у лошади», и съ очень крѣпкой головой, г-жа Віардо отомстила ему за Θεисткину «слабую голову».

— «Если бы она была ваша законная дочь, вы бы ее иначе воспитывали»—замѣтилъ Л. Н. Толстой, когда Тургеневъ началъ хвастать передъ нимъ воспитаніемъ своей незаконной дочери. «Тутъ ужъ я свѣта не взвидѣлъ, сказалъ ему что-то вродѣ того, что разможду ему голову, хлопнулъ дверью и выбѣжалъ вонъ изъ комнаты».

Толстой послалъ Тургеневу вызовъ, но потомъ извинился. «Онъ писалъ, что сознаетъ себя кругомъ виноватымъ, но

что, хотя онъ понимаетъ, насколько его чувство дурно, непростительно, онъ не можетъ себя побороть, что онъ меня ненавидитъ, что встрѣчаться со мной не въ состояніи, отъ дуэли же онъ отказывается и проситъ простить его... Съ тѣхъ поръ мы съ нимъ не видались» («Сборникъ», Н. А. Островская, «Воспоминанія»).

Ненавидятъ другъ друга, а почему, за что—не знаютъ,— знаютъ только, что имъ нельзя встрѣчаться, дышать однимъ воздухомъ, быть въ одномъ мірѣ: бытіе одного исключаетъ бытіе другого. Это ненависть порядка нездѣшняго, трансцендентнаго. Не только ненавидятъ другъ друга физически, какъ двѣ стихіи—огонь и вода, но отрицаютъ метафизически, какъ двѣ антиноміи.

Тургеневъ такъ до конца и не понялъ Толстого. Когда умолялъ его въ послѣднемъ предсмертномъ письмѣ (1883) «вернуться къ литературной дѣятельности», онъ понималъ его, можетъ быть, меньше, чѣмъ когда хотѣлъ «размозжить ему голову». Совѣтъ Толстому вернуться къ литературѣ—все равно что совѣтъ рѣкѣ, впадающей въ море, вернуться къ источнику, или яблонѣ, отягченной плодами, опять зацвѣсти по-весеннему: хорошо, что Толстой не послушался и далъ намъ все, что могъ дать,—и цвѣтъ, и плодъ.

Достоевскаго Тургеневъ также не понималъ,—отрицалъ и ненавидѣлъ метафизически. Что Достоевскій просто «сумасшедшій», онъ «нисколько не сомнѣвается» (Полонскому, 1871).—«Я заглянулъ было въ этотъ хаосъ; Боже, что за кислятина, и больничная вонь, и никому ненужное бормотанье и психологическое ковырянье» (Салтыкову, 1875). Сравниваетъ его съ маркизомъ де-Садомъ. «И какъ подумаешь, что по этомъ нашемъ де-Садѣ всѣ русскіе архіереи совершали панихиды и даже проповѣди читали о вселюбови этого всечеловѣка» (Салтыкову, 1882).

Не понимаетъ великихъ русскихъ писателей, потому что не понимаетъ въ самой Россіи чего-то главнаго.

«Я больше надѣюсь на Францію, чѣмъ на Россію, гдѣ съ каждымъ днемъ... расплывается какой-то мерзкій кисель»

(Салтыкову, 1876).—«Все это (русское) возбудило во мнѣ чувство гадливости, доходящее до омерзѣнія» (Кн. А. И. Урусову, 1880).—«Остается только краснѣть за себя, за свою родину, свой народъ—и молчать» (Е. Я. Колбасину, 1882).

Измѣна родинѣ, измѣна матери (она его любитъ: «моя жизнь отъ тебя зависить... какъ нитка въ иголкѣ,—куда иголка, туда и нитка»,—а онъ ее отталкиваетъ), измѣна другу (Некрасову: онъ оскорбляетъ его, какъ только человѣкъ можетъ оскорбить человѣка), измѣна женщинѣ, измѣна себѣ самому—своему слову, послѣдней святынѣ поэта. Никакой твердости, крѣпости, потому что никакой воли. «Содержаніе безъ воли», какъ онъ самъ себя опредѣляетъ, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ поколѣніемъ, людьми 40-хъ годовъ. Содержаніе безъ воли—тѣло безъ костей. «Я оказался расплывчатымъ»...—«Я несчастнѣйшій человѣкъ... Меня надо высѣчь за мой слабый характеръ!» Да, слабый, мягкій, жидкій, текучій, измѣнчивый, волнообразный, какъ стихія водная—стихія женская.

Такимъ «уродился», ибо это—конечно, «уродство»,—уродство генія. Геній—внутри себя—высшій ладъ, строй, чудо гармоніи, а извнѣ—уродство, чудовищность, односторонность, однобокость, роскошь въ одномъ и нищета во всемъ остальномъ. Геній, какъ евангельскій купецъ, продаетъ все свое имѣніе, чтобы купить одну жемчужину. Такая жемчужина Тургенева—*вѣчная женственность*.

Всей мужественной половины міра онъ почти не видитъ, зато женственную—видитъ такъ, какъ никто.

Тутъ уже нѣтъ противорѣчія между человѣкомъ и художникомъ, куколкой и бабочкой. Тутъ вершины духа связаны съ корнями плоти и крови.

«...Ma chère fille, ma Jeannette!.. О, точно, точно, Vous êtes ma favorite. Тс... ради Бога, чтобы этого кто не услышалъ!» (В. П. Тургенева, 1838).

Никто не долженъ слышать объ этомъ, потому что это—*физиологически* тайное, скрытое, стыдное,—то чего нельзя обнажать какъ наготу пола.

Душа женщины—въ тѣлѣ мужчины. Въ сѣдомъ старикѣ-исполинѣ, Иванѣ Сергѣевичѣ Тургеневѣ—маленькая Жанетта, четырнадцатилѣтняя дѣвочка.

У него «тоненькій голосъ, что очень поражаетъ при такомъ большомъ ростѣ и плотномъ тѣлосложеніи» (Головачева-Панаева). Этимъ смѣшнымъ тоненькимъ «бабымъ» голосомъ плакалъ онъ: «mourir si jeune!»—но имъ же спѣлъ пѣснь, которой міръ не забудетъ,—«Пѣснь торжествующей любви»—гимнъ Вѣчной Женственности.

Женственное прекрасно въ женщинѣ, а въ мужчинѣ кажется «бабымъ», слабымъ, лживымъ, предательскимъ, подлымъ,—тѣмъ, за что порой «убить мало».

Онъ «свой братъ» женщинамъ,—и онѣ это чувствуютъ и влекутся къ нему, но до извѣстной черты: онъ слишкомъ соотвѣтственъ, параллеленъ женщинѣ, чтобы пересѣчься съ нею въ одной точкѣ, соединиться окончательно: близокъ, неразлученъ, но несоединимъ, неслиянъ. Отсюда безнадѣжная любовь его къ Віардо, такая смѣшная, «ридикулярная» и страшная. Тутъ великая мука, великая правда и совѣсть Тургенева, но тоже особая, женская.

Это въ жизни—это и въ творчествѣ.

Естество женское, отвѣтка безгласное, едва-ли не впервые нашло свой голосъ въ Тургеневѣ. Можетъ быть, не только въ русской, но и во всемірной поэзіи нѣчто небывалое, единственное—тургеневскія женщины и дѣвушки.

Шекспиръ въ Дездемону, Гете въ Гретхенъ, Пушкинъ въ Татьяну проникаютъ проникновеніемъ художественнымъ, т. е. все-таки внѣшнимъ, мужскимъ; Тургеневу не нужно проникать въ женщину извнѣ: онъ видитъ ее изнутри. Это не о женщинѣ,—это сама женщина.

Кажется иногда, что и на своихъ героевъ-мужчинъ (вѣчныхъ жениховъ и любовниковъ) онъ смотритъ глазами женскими, влюбленъ въ нихъ, какъ женщина.

Если вѣрить Якову Бѣму, Шеллингу и другимъ великимъ мистикамъ, существо природы—женское,—«Душа Міра». Не потому-ли Тургеневъ не изображаетъ, не «описываетъ»

природы, какъ другіе поэты, что видитъ ее не извнѣ, а изнутри, какъ женщину? Не онъ о ней говоритъ, а она сама о себѣ—черезъ него. У другихъ—любовь, у него—влюбленность въ природу.

Есть два полюса въ вѣчно-женственномъ: любовь-материнство и влюбленность-дѣвственность. Ихъ соединеніе—въ мірѣ божественныхъ сущностей—въ Дѣвѣ-Матери, а въ мірѣ явленій эти два начала противоборствуютъ другъ другу.

Шопенгауэръ ошибается, когда смѣшиваетъ половую чувственность, какъ «волю къ продолженію рода», съ влюбленностью: влюбленность есть *воля не къ роду, а къ личности*. Тутъ антиномія пола неразрѣшимая: безконечность рода—конецъ, смерть личности, и наоборотъ, безсмертіе личности—конецъ рода. Вѣдь только потому и нужна смѣна родовъ, поколѣній во времени, что совершеніе личности отмѣняется, переносится изъ рода въ родъ.

Кратчайшій и высшій мигъ влюбленности есть *утвержденіе абсолютной личности въ полъ*. Влюбленность хочетъ брака, соединенія любящихъ, но иного брака, иного соединенія, чѣмъ то, которое можетъ дать обладаніе тѣлесное, и только изнемогая, измѣняя себѣ, падаетъ въ бракъ. «Счастливый бракъ»—конецъ влюбленности.

Влюбленность есть «нечаянная радость», неземная тайна земли, воспоминаніе души о томъ, что было съ нею до рожденія.

И долго на свѣтѣ томилаь она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Что небесный звукъ влюбленности незамѣнимъ скучною пѣснею брака,—Тургеневъ знаетъ, какъ никто.

Лицо человѣка—сѣрая куколка, смертная личинка безсмертной бабочки—личности: надо умереть лицу, чтобы родилась личность. Вотъ почему у Тургенева погибають всѣ влюбленные.

Мы изъ рода бѣдныхъ Азра,—
Полюбивъ, мы умираемъ.

Вотъ почему «первая любовь»—послѣдняя. Любовь требуетъ чуда, но не можетъ быть чуда въ порядкѣ естественномъ; не можетъ быть брака, утоленія, достиженія любви здѣсь на землѣ. И вотъ почему «пѣснь торжествующей любви»—пѣснь торжествующей смерти,—но и безсмертія,—«пѣснь пѣсней», та «музыка сферъ», которой «движутся солнце и другія звѣзды» (*l'amor che muove il sol e l'altre stelle*).

Христіанство есть откровеніе личности по преимуществу. И утвержденіе личности въ полѣ—влюбленность родилась вмѣстѣ съ христіанствомъ (Платоновскій «Эросъ»)—лишь смутное предчувствіе христіанства въ самомъ язычествѣ).

Христіанская любовь есть влюбленность въ своемъ высшемъ, неземномъ предѣлѣ—преображеніе пола въ той же мѣрѣ, какъ преображеніе личности. Безполая «братская» любовь—ущербъ, угасаніе любви Христовой, а полнота ея, огненность—брачная: царствіе Божіе—«брачная вечеря», и входящіе въ него—«сыны чертога брачнаго».

«Я преимущественно реалистъ... ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно, ни въ какіе абсолюты не вѣрю»,—говоритъ Тургеневъ (М. А. Милутиной, 1875). Такъ въ сознаніи, но не такъ въ волѣ, въ творчествѣ: тутъ проникаетъ онъ въ такія глубины религіознаго духа народнаго («Живыя мощи»), въ какія, можетъ быть, не проникали ни Л. Толстой, ни Достоевскій, ибо изъ этихъ глубинъ и возникаетъ творческая мысль Тургенева—вѣчная женственность.

Въ человѣчествѣ—обществѣ, такъ же какъ въ человѣкѣ—личности, борются два начала—мужское и женское. Ихъ сочетаніе—благо, ихъ раздѣленіе—зло. Мужское безъ женскаго—сила безъ любви, война безъ мира, огонь безъ влаги,—самумъ сжигающій.

Такой самумъ уже пронесся разъ надъ человѣчествомъ: дряхлое мужество Рима, юное мужество варваровъ едва не

погубили міръ. Тогда-то спасла его Вѣчная Женственность. Неземное видѣніе посѣтило «бѣднаго рыцаря».

Полонъ чистою любовью,
Вѣремъ сладостной мечтѣ,
А. М. Д. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ,

Начало новыхъ временъ—возрожденіе древняго римскаго и юнаго варварскаго мужества. Если душа Среднихъ Вѣковъ— созерцательная, страдательная, женственная, то душа Современности—волевая, дѣятельная, мужественная: рационализмъ, побѣда «чистаго разума» въ наукѣ, философіи, религіи, во всемъ культурномъ и общественномъ строительствѣ—побѣда мужского начала.

Но вотъ опять, какъ тогда, мужское безъ женскаго становится злымъ; опять сила безъ любви, война безъ мира, огонь безъ влаги—самумъ сжигающій; опять гибнетъ міръ отъ мужества.

Не должна ли опять спасти его Вѣчная Женственность?

Германо-романскій Западъ мужественъ, славяно-русскій Востокъ женственъ. Мы знаемъ о мірѣ то, чего другіе народы не знаютъ,—что *міръ есть миръ*—не война и ненависть, а вѣчная любовь, вѣчная женственность?

Но истинная женственность требуетъ мужества. Мужество есть и у насъ: тайная женственность—явное мужество.

Отъ Петра и Пушкина (потому что Пушкинъ—пѣвецъ Петра по преимуществу) къ Толстому и Достоевскому—титанамъ русской воли и русскаго разума—идетъ линія нашего мужества, явная, дневная; а ночная, тайная линія женственности—отъ Лермонтова къ Тургеневу: отъ Лермонтова, пѣвца Небесной Дѣвы Матери («Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою»...) черезъ Тютчева, пѣвца земной Возлюбленной («Ты, ты—мое земное Провидѣніе») и Некрасова, пѣвца земной Матери,—къ Тургеневу, уже не только русскому, но и всемірному поэту Вѣчной Женственности. И, можетъ быть, далѣе—отъ прошлаго къ будущему—отъ Тургенева поэтъ къ Вл. Соловьеву пророку, а отъ него и къ намъ.

Знайте же: вѣчная женственность нынѣ
Въ тѣлѣ безсмертномъ на землю идетъ.
Въ свѣтѣ немеркнущемъ новой богини
Небо слилося съ пучиною водъ...
Гордые черти, вы все же мужчины,—
Съ женщиной спорить не честь для мужей.
Ну, хоть бы только для этой причины,
Милые черти, сдавайтесь скорѣй!

Нѣтъ, еще не такъ скоро сдадутся, но все же сдадутся
когда-нибудь; исполнится когда-нибудь пророчество: *Сѣмья
жены сотретъ главу змія.*

Въ наши дни, дни мужества неправого и невѣчнаго, дни
вражды нечеловѣческой и даже не звѣрской, а дьявольской,
не пора-ли намъ вспомнить о вѣчной любви, о вѣчной
женственности?

Ея пѣвецъ забытый—Тургеневъ. Если мы вспомнимъ о
ней, то и о немъ.

Да, мы еще вернемся къ Тургеневу.
